
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 305:947.083

Т.В. Кисельникова

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА ИДЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА («ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ» А.С. ПАНАРИНА)

Признание глобализации объективным социально-экономическим процессом не означает единодушного согласия с ее современными формами. Глобализация обостряет множество проблем, к наиболее важным из них относятся вопросы, связанные с национальным суверенитетом и социокультурным своеобразием стран. В этих условиях вполне закономерно появление различных «прогностических сценариев» общественного развития. Целью данной статьи является анализ и оценка видения указанных проблем известным российским политологом А.С. Панариным.

События последних лет (расширение альтерглобалистского движения, непрекращающийся террор) актуализируют обсуждение «прогностических сценариев» развития человечества в целом и России в частности. Появилось немало разработок, причем характерной чертой части из них является стремление синтезировать идеи консерватизма с принципами как либерализма, так и социализма [1; 2; 3]. На наш взгляд, эти попытки требуют внимательного изучения на предмет определения их плодотворности.

Своей основательностью привлекают к себе внимание модели, предложенные А.С. Панариным в его последней монографии (вышедшей из печати уже после смерти автора) «Искушение глобализмом» [4]. Суждения А.С. Панарина интересны еще и потому, что принадлежат человеку, прошедшему идейную эволюцию от социализма через либерализм к консерватизму, то есть хорошо знающему суть базовых принципов данных течений общественной мысли. В его творчестве уже ищут опору российские и либералы, и консерваторы [5; 6]. Целью настоящей статьи является анализ и оценка видения А.С. Панариным перспективных тенденций общественного развития.

Центральная установка А.С. Панарина – убеждение в том, что человечество (и Россия) сможет выйти из исторического тупика, только опираясь на энергию буржуазии: ее «производительной», а не «спекулятивной» части. Это означает продолжение «проекта Модерна». «Сегодня, – писал он, – буквально решаются судьбы модерна и, значит, судьбы мира. Предстоит ли миру окончательно вернуться к экономике, где обогащение одних означает обнищание других, или модерн может обрести второе дыхание – вместе с возобновлением фаустовского творческого порыва? Для ответа на этот вопрос необходимо еще оценить феномен новых буржуа, общие социокультурные основания их экономических практик» [4. С. 339].

Отход от продуктивной экономки произошел, по мнению А.С. Панарина, потому что «иссякли» нравственные источники добросовестности (что создало «неврастенически нетерпеливую» личность) и источники настоящего научного творчества. Следовательно, успех модерна (А.С. Панарин – его за-

щитник) зависит от того, будут ли найдены новые источники, способные возродить «нравственное прилежание и ответственность, и фаустовский творческий порыв». Он склонялся к «достовернейшей из гипотез» – к тому, что защитить информационное общество в его подлинном значении можно, лишь «соединив веру и знание», потому что «чувственность, взыскующую истины, а не обмана, формирует религиозная вера» [4. С. 339–340, 344].

Опираясь на эти предположения, А.С. Панарин разработал два «прогностических сценария» возможного преодоления «немыслимых крайностей однополярного мира», возводимого с помощью идеологии неолиберализма.

В первом сценарии описано общество «территориальной демократии». А.С. Панарин утверждал, что главными («непримиримыми») оппонентами виртуальной экономики и мира с иллюзорными ценностями являются люди, вышедшие из «низов», «трудоголики», организовавшие свое небольшое самостоятельное дело, представляющие национальный, а не компрадорский капитал. В отличие от «безответственных кочевников мондиализма» с «эмигрантским сознанием» они (мелкие и средние предприниматели) к «национальной территории» относятся как к своему единственному дому. Поэтому возможно, что «идея защиты национальной территории от всякого рода загрязнений – социокультурного, морального, экономического – окажется способной объединить тех, у кого нет «второй родины», стать основой «антикомпрадорского национального консенсуса» и повлиять на способ организации общества в целом. Вместо «отраслевого» принципа, создающего вертикальные социальные связи, в основу организации страны может быть положен «территориальный», укрепляющий связи горизонтальные.

Это, в свою очередь, предполагает автор, повлияет на менталитет человека – сформируется «новый общинник» – человек, любящий место своего проживания и заботящийся о его процветании. А.С. Панарин подчеркивал, что речь идет вовсе не о «ретроградном» варианте, поскольку современная социология учит тому, что именно горизонтальные связи создают гражданское общество и укрепляют демократию. «Цивилизация прочных территориальных связей, – отмечал он, – может показаться невыносимо авторитарной только безответственным кочевникам потребительского общества» [4. С. 394].

Второй сценарий – «альтернативный глобализм» – исходит из признания глобализации «непререкаемым вектором развития». Перекосы глобализации здесь истолковываются как результат ее монополизации финансовой элитой, значит, задачей ее противников является противопоставление глобальным организациям капитала глобальной организации труда. Следовательно, субъектом борьбы с неолиберальным вариантом глобализации должны стать «левые» силы. Вместе с тем А.С. Панарин специально оговаривался, что имеет в виду не «старых левых», а «левую» «новую контрэлиту», способную стать сильной духовной властью (в основе которой и здесь будет находиться религиозная вера), создать сильное государство и поставить под контроль власть экономическую. Из контекста описания второго сценария видно, что А.С. Панарин знает лишь, что его не устраивают идеи социализма / коммунизма, но не знает, на какую интерпретацию идеи социальной справедливости будут опираться новые левые альтернативные движения. Поэтому термин «левые» он употребляет здесь в смысле «не правые» и только.

По нашему мнению, реализация первого сценария, исходящего из тезиса о возможности остановить процесс глобализации усилиями «новых общинников» – национально и религиозно ориентированных мелких и средних предпринимателей, – не просто весьма проблематична, как считал и сам автор, а не осуществима, поскольку глобализация – процесс объективный. Другой вариант прогноза – вариант «альтерглобализма» – содержит реалистичные моменты и может быть использован в качестве основы для дискуссий.

На наш взгляд, А.С. Панарин во многом прав:

– в том, что только идеи с мощным энергетическим зарядом способны воодушевить народы на борьбу против разрушающего основы общества режима финансовой олигархии;

– в том, что сегодня таковыми являются «харизматические идеи социальной справедливости» [4. С. 402];

– в том, что «классические ценности демократического модерна, по-прежнему воодушевляющие умы и сердца («демократия, гуманизм, справедливость, равенство, самоопределение»), предстоит отбить у либералов и насытить новым содержанием»;

– в том, что «главной мишенью инициаторов давно назревшей альтернативы должна стать **нынешняя** идеология либерализма с ее скандальными призывами «не стесняться» (выделено мною. – Т. К.);

– в том, что «нам следует ожидать появления либо какой-то новой жесткой идеологии – наследницы монотеистического архетипа, либо соответствующей реконструкции уже известных идеологий» [4. С. 388, 389].

Но, странным образом, наряду с этими тезисами ученый утверждает, что базисом «новой» идеологии должен послужить консерватизм с его ценностями традиционализма, национализма, социальной иерархии и религии как основы нравственности. Из социализма им берется принцип социальной справедливости, но истолкованный как «равенство в жертвенности», только и могущее ужиться с принципом элитизма. «Идеальным типом» в его построениях выступает «служилое государство» Петра I. Акцент А.С. Панарин делает на необходимости аскезы, «этики накопления», жертвенности и сильной духовной власти, контролирующей власть политическую и экономическую.

А.С. Панарин почему-то не заметил, что его суждения о консервативной ориентации общественного развития противоречат его собственной аргументации в защиту «проекта модерна»; доказательствам того, что проект этот нужно не отбрасывать, а продолжить, поскольку целью, смыслом общественного развития остается «эмансипация» человека, причем каждого; доказательствам того, что философия постмодернизма, паразитируя на противоречиях модерна, несправедливо стремится дискредитировать «проект модерна» целиком.

Мы полагаем, что оценка А.С. Панариным «эмансипационного» потенциала «проекта модерна» может быть использована для утверждений, что итогом «реконструкции уже известных идеологий» должна стать **идеология либерального социализма с сильной этической компонентой**, то есть идеология, синтезирующая принципы либерализма (свобода личности), социализма (социальная справедливость), консерватизма (нравственность как

один из регуляторов социальных отношений, но нравственность, опирающаяся на светский гуманизм, а не на религии, разделяющие своих приверженцев).

Почему не социал-либерализм? Потому что в основу его положено представление о человеке как самодостаточном социальном атоме. А социальные программы здесь призваны лишь смягчать социальное неравенство, но не преодолевать его.

Почему не социал-консерватизм? Потому что он еще более жестко закрепляет социальную иерархию, элитизм, что противоречит демократии в принципе.

Почему либеральный **социализм**? Потому что на сегодня мобилизующей силой обладает только принцип социальной справедливости, отражающий неизбывное стремление к самореализации каждой личности, но личности как члена солидарного целого. Социальная справедливость сохраняет свою привлекательность еще и потому, что до сих пор во многом остается целью.

Если мы посмотрим, какие претензии к социалистической идеологии высказывает А.С. Панарин, то увидим следующие. Социал-демократия, по его мнению, выявила свою беспомощность тем, что ее ответ на современный либеральный «беспредел» является неадекватно слабым, невнятным [4. С. 385]. Коммунистическое течение в социализме подорвано тем, что скомпрометировало себя тоталитарными режимами [4. С. 387]. Из этих заключений видно, что теоретической критики, уничтожающей идею социальной справедливости, здесь нет. Да и не может быть, потому что одной из главных сюжетных линий работы А.С. Панарина является именно положительная оценка принципа социальной справедливости.

Серьезным упреком в адрес социализма является утверждение, что он несовместим со свободой личности и это показала практика «реального социализма». Чтобы отвести эти обвинения, следует доказать совместимость принципов свободы и равенства; тоталитарная практика в этом случае может быть оценена как искажение принципов социализма в неадекватной им реальности.

Работ, посвященных доказательству совместимости принципов свободы и справедливости, уже немало. В России эта проблема интенсивно обсуждалась в кон. XIX – нач. XX в. учеными, принадлежавшими к различным идейным течениям. Наиболее значимые труды с основательной аргументацией в защиту взаимодополняемости этих принципов принадлежат либералу П.И. Новгородцеву [7]; бывшим «легальным марксистам» С.Н. Булгакову, М.И. Туган-Барановскому, С.Л. Франку [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Общее в суждениях авторов – понимание социализма как исторического преемника либерализма, расширяющего границы свободы и демократии распространением их из мировоззренческих и политических областей в хозяйственную сферу. Рассуждения российских мыслителей о свободе и справедливости примечательны тем, что в них делался шаг вперед по сравнению с классически либеральным пониманием свободы индивида как свободы «от», в сторону позитивного понимания данного принципа. Все они писали не просто о необходимости свободы личности, а об условиях обеспечения свободного **развития** личности. Позитивное толкование свободы неизбежно вело к включению в ее рам-

ки вопросов этики и солидарности, что, в свою очередь, устанавливало связь свободы с социальной справедливостью.

Творчество российских авторов начала XX в. заслуживает внимания, так как многие ныне обсуждаемые социальные проблемы, подающиеся в качестве новых, как выясняется, таковыми не являются. Позволю себе сослаться на свое диссертационное исследование, как одно из первых, выполненных в постсоветский период [14]. В недавно вышедшей из печати статье с характерным названием «Новая свобода и старое равенство» интересные, хотя и не бесспорные, разработки представлены Е.А. Самарской [15].

Что касается распространенного ныне мнения о том, что «истоки тоталитаризма» следует искать в рационалистической идеологии Просвещения (проводниками идей которого выступают и либерализм, и социализм), то, думается, пришла пора подвергнуть его переосмыслению, проанализировав работы М. Фуко. Как отмечает О.О. Вишневский, М. Фуко считал, что «данный феномен (тоталитарность. – Т. К.) имманентен самому типу политической рациональности, свойственному государству как таковому», и, кроме того, видел «истоки тоталитаризма в куда более отдаленном прошлом – в средневековой эпохе господства христианства и церкви» [16. С. 151, 157, 158].

Все сказанное позволяет утверждать, что идея о возможности создания концепции либерального социализма имеет достаточно оснований для того, чтобы не быть отброшенной без серьезной теоретической дискуссии.

Нам осталось рассмотреть вопрос о субъектах, чьи социальные действия могут быть мотивированы идеями либерального социализма. А.С. Панарин полагал, что легко вписываются в «глобализм»: 1) «роставщическо-спекулятивная среда с группирующей вокруг нее потребительско-гедонистической «богемой» массового общества и 2) «левый авангард» с группирующей вокруг него легковоспламеняемой «революционной богемой» [4. С. 399]. Значит, «великую криминальную революцию» могут обновить либо правые, либо левые «радикалы». Однако «правый национализм», констатировал А.С. Панарин, в эпоху популярности идеи **«общечеловеческого спасения»** (выделено мною. – Т. К.) не может рассчитывать на признание. Поэтому остается надеяться на «левый радикализм». Ученый предположил, что эксцессы неолиберализма вызовут появление «интеллектуальной контрэлиты», объединяющей «жрецов социальной справедливости и аскетизма» и «новых тираноборцев, революционеров, народовольцев» [4. С. 405, 406]. Эта контрэлита («пассионарии равенства и справедливости») нужна, по мнению А.С. Панарина, **«неадаптированному** большинству планеты... для защиты его **специфических** интересов, всему человечеству – для предотвращения скольжения в крайний нравственный нигилизм и власть инстинкта» (выделено мною. – Т. К.) [4. С. 402].

Итак, А.С. Панарин говорил о «левых» силах, но не о «старых левых» 1960-х, ни о «новых левых» 1980-х годов, а о каких-то неизвестных пока «левых». Еще не ясно, писал он, «какими антропологическими и социальными типами будет представлен альтернативный духовный и политический «интернационал», какие организационные формы он примет, какие новые формы социальной кооперации – взамен нынешнего либерального атомизма – он предложит обществу... какую нравственность эта новая глобальная

контрэлита сообщит процессам, связанным с формированием информационного общества?» [4. С. 406].

В то время, когда А.С. Панарин формулировал эти вопросы, в реальности уже существовало и постепенно набирало силу «альтерглобалистское» движение, наблюдая за развитием которого, он мог увидеть намечающиеся ответы на свои вопросы и обнаружить ошибки в ряде своих суждений.

Альтерглобалистское движение (действительно «левое») возникло в 1997 г., его основными участниками являются профсоюзы, экологические, женские, молодежные, детские ассоциации; гуманитарные центры и неправительственные организации, оказывающие помощь развивающимся странам; научные и образовательные объединения, организации, занятые проблемами здоровья. Поддерживают его и традиционные левые политические структуры, в том числе некоторые коммунистические партии [17; 18].

Так что, вопреки прогнозам А.С. Панарина, альтерглобалистское движение включает в себя представителей разных социальных слоев, не элитарно, так как выстраивается по сетевому принципу (а не по иерархическому принципу пирамиды) при соблюдении строгой добровольности участия в акциях. Деятельность альтерглобалистов отражена в обобщающей опыт движения крупной коллективной монографии [19]. То, что современные альтерглобалисты действуют в русле идей «демократического модерна», подтверждает анализ задач движения, зафиксированных в документе под названием «Манифест Порту-Алегри», принятом на V Мировом Социальном Форуме альтерглобалистов в г. Порту-Алегри в январе 2005 г. Требования направлены на защиту в равной степени экономических, социальных, политических, культурных прав **всех граждан и народов, а вовсе не на защиту «специфических интересов неадаптированного большинства»** (аннулирование внешней задолженности Юга, введение налога Тобина; демонтаж всех форм налоговых, юридических и банковских укрытий («раев»); поощрение всех форм справедливой торговли; отказ от правил «свободного обмена», навязываемых ВТО, и введение в действие механизмов, которые бы позволили (через развитие производства товаров и услуг) последовательно продвигаться к выравниванию по верхнему уровню норм социальной защиты и защиты окружающей среды; исключение образования, здравоохранения, социальных служб и культуры из сферы применения Общего соглашения о торговле и услугах ВТО; провозглашение приоритета права культуры над правом торговли; обеспечение каждому жителю планеты права на занятость, социальную защиту и пенсии при уважении равноправия мужчин и женщин; гарантирование права на продовольственные суверенитет и безопасность каждой стране; запрещение патентов на знание и живые существа и приватизацию общего достояния человечества; внедрение модели развития, основанной на сбережении энергии и демократическом контроле над естественными ресурсами; борьба против любой дискриминации, сексизма, ксенофобии, антисемитизма и расизма; вывод войск из всех стран, кроме тех, которые действуют под четким мандатом ООН; гарантирование права граждан на информацию, а журналистов – на автономию; демократизация международных организаций, в том числе ООН; включение Мирового Банка, МВФ и ВТО в систему и механизмы решений ООН) [20. С. 94–105].

Реальный «альтерглобализм», как видим, исходит из представления о том, что дальнейший социальный прогресс возможен лишь на основе принципа социальной справедливости, вбирающего в себя ценности свободы и солидарности. Отсюда логичен, по нашему мнению, вывод о том, что из идеологии консерватизма в синтезную концепцию либерального социализма не может войти ни один из базовых принципов консерватизма (элитаризм, стремление сохранить иерархичность в обществе, открытая апелляция к традициям прошлого), но могут быть включены такие ценности, как защита семьи, где «закладывается основа человека и как личности и как работника», бережное отношение к природе, ценности высокой культуры и духовности, чувства долга и личной ответственности человека [21. С. 16], которые, строго говоря, нельзя считать сугубо консервативными.

Подводя итог, можно сказать, что А.С. Панарин верно описал причины и признаки кризиса неолиберальной парадигмы общественного развития, но не сумел так же верно оценить потенциал складывающегося в действительности альтерглобалистского движения. Реальный «альтерглобализм» опирается на идеи социализма, либерализма, консерватизма в иных вариантах и пропорциях, чем те, которые представлялись возможными консервативно ориентированному мыслителю. Вместе с тем творческие разработки А.С. Панарина должны быть использованы в неизбежных и необходимых дискуссиях о путях социального развития человечества и России, потому что открытыми остаются вопросы о формах и субъектах социального прогресса в глобализирующемся мире. В частности, важной проблемой (теоретической и практической), в разрешении которой могут быть полезны суждения А.С. Панарина, является вопрос о том, как соотносятся с современным «альтерглобализмом» марксистская теория классовой борьбы и теория «морально мотивированной социальной борьбы» Акселя Хоннета [22].

Литература

1. Попов В.Д. «Углеродный» Третий Рим?.. Взгляд великоросса. М.: Вече, 2005. 512 с.
2. Зюганов Г.А. Народный подъем в России и задачи партии: Доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Российской Федерации XI (внеочередному) съезду партии // Правда. 2005. 1–2 нояб.
3. Никитин В.С. Отчет Центральной контрольно-ревизионной комиссии XI съезду КПРФ // Правда. 2005. 1–2 нояб.
4. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
5. Цыганков А.П. Национальный либерализм Александра Панарина // Свободная мысль. XXI. 2005. № 10. С. 100–117.
6. В защиту русской культуры: Обращение Совета по культуре фракции «Родина» в Государственной Думе РФ // Завтра. 2005. № 45 (625).
7. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 318–339.
8. Булгаков С.Н. Без плана. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С. 260–280.
9. Тузан-Барановский М.И. Общественно-политические идеалы нашего времени. СПб., 1913. С. 6–18.

10. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение. Пг., 1918. С. 130–140.
11. Франк С.Л. Политика и идеи (О программе «Полярной звезды») // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 65–78.
12. Чернов В.М. Идеализм в марксизме // Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 370–377.
13. Чернов В.М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. СПб., 1906. С. 4–18.
14. Кисельникова Т.В. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли (1890-е – 1917 гг.): Дис... д-ра ист. наук. Томск, 2004. 650 с.
15. Самарская Е.А. Новая свобода и старое равенство // Свободная мысль. XXI. 2005. № 9. С. 126–140.
16. Вишневский О.О. «Поздний» Фуко: Критика политической рациональности западных обществ // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 147–158.
17. Хулиганы с докторскими степенями? Интервью с зав. отделом ювенологии Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс» А.Н. Тарасовым // Литературная газета. 2002. 25 сент., 1 окт.
18. Бузгалин А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/2/6.htm>
19. Глобализация сопротивления. Борьба в мире / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 304 с.
20. Майданик К.Л. «Мировой Социальный Форум». 5-е изд.: Впечатления, предшествующие анализу (Порту-Алегри, 26–31 января 2005 г.) // Альтернативы. 2005. № 1. С. 94–105.
21. Красильщиков В. Консерватизм – идеология прогресса? Идеи прошлого и развитие Запада // Свободная мысль. 1992. № 9. С. 10–12.
22. Фурс В.Н. Теория «борьбы за признание» Акселя Хоннета // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 140–149.

Статья представлена кафедрой всеобщей истории Кузбасской государственной педагогической академии, поступила в научную редакцию 30 ноября 2005 г.